

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

УСАЧЕВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛУЧЕННОГО
КАК ПОСЛЕДСТВИЕ РАСТОРЖЕНИЯ НАРУШЕННОГО ДОГОВОРА**

Специальность 12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре гражданского права юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент,
Ширвиндт Андрей Михайлович

Официальные оппоненты – **Карпетов Артем Георгиевич**,
доктор юридических наук, профессор,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», факультет права, базовая
кафедра практической юриспруденции,
профессор

Новак Денис Васильевич,
кандидат юридических наук, профессор,
Министерство юстиции РФ, заместитель
Министра юстиции РФ; Российская школа
частного права федерального
государственного бюджетного научного
учреждения «Исследовательский центр
частного права им. С.С. Алексеева при
Президенте РФ», кафедра общих проблем
гражданского права, профессор

Скловский Константин Ильич,
доктор юридических наук, профессор,
Российская школа частного права
федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Исследовательский
центр частного права им. С.С. Алексеева при
Президенте РФ», кафедра вещного права,
профессор

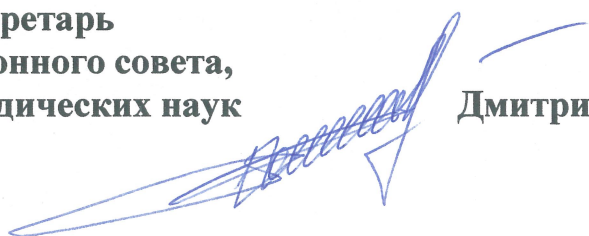
Защита диссертации состоится «19» декабря 2018 г. в 15 часов
00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.12.03
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус,
Юридический факультет, ауд.535а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/144836803/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук

Дмитрий Владимирович Ломакин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Когда нарушение обязательств должником оказывается столь существенным, что дальнейшая связанность кредитора больше не может предполагаться, кредитор управомочен расторгнуть договор. Расторжение позволяет ему отменить еще не исполненные свои обязательства и вернуть то, что уже было предоставлено контрагенту.

Споры вокруг различных проблем возврата после расторжения нарушенного договора не утихают, по меньшей мере, уже более двух столетий, а сама дискуссия насчитывает в различных правовых порядках по несколько кругов обсуждений. Нерешенными остаются основные концептуальные вопросы. Какое место в системе частно-правовых притязаний должно занимать требование о возврате полученного после расторжения нарушенного договора? Каким должно быть содержание правил о таком возврате? Чем такой возврат отличается от возврата полученного в других случаях срыва договорных отношений (в случаях отмены ненарушенного договора, в случаях недействительности договора и др.)?

Разнообразие общих механизмов, уже знакомых частному праву и позволяющих осуществить возврат имущества (например, виндикация, кондикция) либо иным образом устранить возникший между сторонами дисбаланс (например, возмещение убытков), предполагает, что сначала необходимо определить место для требования о возврате полученного по договору, расторгаемому вследствие нарушения, среди подобных механизмов: должно ли такое требование пониматься как виндикационное, как кондикционное, как требование о возмещении возникших у кредитора убытков, как иное договорное требование, как требование особого рода?

Современные правовые порядки постоянно обращаются к данному вопросу и с поразительным непостоянством дают на него различные ответы.

К примеру, в немецком и швейцарском праве первоначально

господствовал подход, обосновывающий внедоговорную квалификацию требования о возврате полученного после расторжения нарушенного договора (в Германии – по правилам о возврате неосновательного обогащения, в Швейцарии – также иногда и по правилам о виндикации), но приблизительно с середины прошлого века данный подход изменился и с тех пор рассматриваемое требование обычно признается договорным. Такое систематическое решение – помимо обсуждений в доктрине и практике – в конечном счете прямо отразилось на структуре ГГУ, а также было воспринято разработчиками академического проекта новой общей части швейцарского обязательственного права «Обязательственное право 2020».

Напротив, во французском праве до самого последнего времени среди различных обсуждавшихся вариантов квалификации (вещно-правовой, в качестве способа возврата недолжно полученного, в качестве способа возврата неосновательного обогащения, в качестве механизма *sui generis* и пр.) наиболее подходящей считалась квалификация рассматриваемого требования как опосредующего возврат недолжно полученного, а в результате недавней реформы ФГК в 2018 г. предусмотрел для возврата полученного после отмены договора самостоятельный режим, поместив правила о нем в раздел «Общий режим обязательств» (ст.1352 – 1352-9).

В странах *common law* требование о возврате полученного после расторжения нарушенного договора, наоборот, по-прежнему традиционно описывается разными авторами как кондикционное.

Кондикционное решение отражает сегодня и обновленная в 2015 г. редакция российского Гражданского кодекса (п.4 ст.453 ГК РФ). Однако все масштабные исследования по теме в России предлагают совершенно разные варианты квалификации, а правоприменительная практика складывается неединообразно.

Такая перманентная разница в решениях (как между правовыми порядками, так и внутри каждого из них) требует не только изучения самой эволюции подходов и породивших ее причин, но и предметного анализа

конкретных вариантов квалификации: как и почему в разных правовых порядках выбирается та или иная квалификация, каковы решающие критерии квалификации, какой вариант квалификации наилучшим образом учитывает характер отношений сторон после расторжения нарушенного договора.

В результате это позволит понять, должно ли требование о возврате полученного носить внедоговорной или договорной характер и – в последнем случае – какое место оно должно занимать среди договорных требований.

После определения в системе частно-правовых притязаний места для требования о возврате полученного по договору, расторгаемому вследствие его нарушения, конечно, возникает потребность и в установлении содержания правил о таком возврате. Она обусловлена тем, что осуществление возврата полученного влечет множество различных вопросов, имеющих конкретное практическое значение. В частности, в каких случаях после расторжения нарушенного договора такой возврат полученного должен осуществляться, а в каких случаях он должен ограничиваться? В каких случаях возврат должен осуществляться в натуре, а в каких – посредством уплаты компенсации? Как при осуществлении возврата полученного должны учитываться права третьих лиц? На кого из контрагентов должны возлагаться выгоды или невыгоды изменений предмета предоставления (особенно, если они были вызваны случайными причинами, не связанными с поведением сторон)? Как должна рассчитываться компенсация, если возврат полученного осуществляется не в натуре? По каким правилам должен осуществляться возврат полученных от предоставления выгод и компенсация произведенных на него расходов? На какую из сторон должны возлагаться издержки на осуществление возврата полученного? Какими критериями должны определяться место, время, порядок исполнения обязательств по возврату полученного и т.д.?

Эти вопросы решаются современными правовыми порядками неодинаково. Более того, аналогичное неединообразие характерно даже для актов

конвенционной и неконвенционной унификации. Такая ситуация не может не обращать на себя внимания, учитывая, что в иных случаях функциональное сравнение договорного права разных стран, как правило, демонстрирует единство решений даже там, где имеются заметные различия в институциональном и концептуальном плане¹.

Например, при распределении риска случайной гибели полученного Венская конвенция² и ГГУ (абз. 3 § 346) учитывают критерий наименьшего благоприятствования нарушителю, относящий невыгоду от гибели на нарушившую договор сторону. Напротив, Принципы европейского договорного права (ст. 9:309) или, скажем, академический проект новой общей части швейцарского обязательственного права «Обязательственное право 2020» (абз. 2 ст. 81) всегда возлагают риск случайной гибели на получателя погибшего предоставления, поскольку обсуждают его обязанность компенсировать стоимость такого предоставления независимо от того, является ли он стороной, нарушившей договор, или же стороной, управомоченной на расторжение. Послереформенный ФГК (ст. 1352, 1352-1) и некоторые предшествующие ему проекты (итоговый проект ордонанса, проект рабочей группы Ф.Терре) используют еще один критерий для распределения невыгод от ухудшения или повреждения предоставления (в т.ч., по-видимому, и от случайной гибели) – добросовестность получателя предоставления, т.е. его осведомленность или неосведомленность о расторжении или об основании для расторжения. Одновременно при этом доктриной и практикой постоянно обсуждаются как все эти озвученные, так и некоторые иные подходы.

Или, к примеру, при определении правил расчета компенсации, замещающей возврат полученного в натуре (при его невозможности), в одних случаях за ориентир берется рыночная стоимость полученного

¹ Ср., например: Michaels R. The Functional Method of Comparative Law // Oxford Handbook of Comparative Law / M. Reimann, R. Zimmermann (Eds.). Oxford, 2006. P. 339-381; Zweigert K. Kötz H. Einführung in die Rechtsvergleichung. Tübingen, 1996. S. 33, 43 и др.

² Решение выводится из совокупного толкования п.1 и абз. 1 п.2. ст. 81 Конвенции.

(Принципы УНИДРУА³ новая редакция ФГК и все проекты по его реформированию, австрийское право⁴ и др.), в других – стоимость, согласованная сторонами договора (абз. 2 п. 2 § 346 ГГУ, п. 6.1 российского постановления Пленума ВАС от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора», ст. 82 академического проекта новой общей части швейцарского обязательственного права «Обязательственное право 2020» и др.). Далее – в случае учета рыночной стоимости – предлагается исходить либо из стоимости на момент возврата (Принципы УНИДРУА⁵, ст. 6 проекта ФГК от рабочей группы Ф. Терре и др.), либо из стоимости на момент отмены договора (например, ст. 1163-6 проекта ФГК от рабочей группы П. Катала), либо из стоимости на момент исполнения договора (например, ст. 1353-7 и ст. 1353-4 итогового проекта ордонанса по реформированию ФГК), либо из стоимости на момент заключения договора⁶, либо из стоимости, определяемой в зависимости от каких-либо гибких критериев⁷ и т.д.

Подобное различие в подходах во многом характерно и для решения других проблем осуществления возврата полученного по договору, расторгаемому вследствие его нарушения (для определения вида возврата полученного предоставления – в натуре или посредством компенсации, для установления правил возврата выгод, компенсации расходов и пр.). Почему образовалась такая разница в регулятивных моделях, предложенных современными правовыми порядками, почему одни и те же проблемы осуществления возврата ими решаются по-разному? Чем в конечном счете должно предопределяться содержание правил о возврате полученного?

³ См.: Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts // Ed. by St. Vogenauer, J. Kleinheisterkamp. OUP, 2009. P. 859; Coen Chr. Vertragsscheitern und Rückabwicklung. Berlin, 2003. S. 252.

⁴ См.: Laimer S. Durchführung und Rechtsfolgen der Vertragsaufhebung bei nachträglichen Erfüllungstörungen. Tübingen, 2009. S.167.

⁵ Ibid. P. 859.

⁶ Подробнее о подходе, в частности, в доктрине французского и швейцарского права см.: Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права, 2016, №1. С. 111.

⁷ См., например: Glasl D. Die Rückabwicklung im Obligationenrecht. Zürich, 1992. S. 192-197, 263-274 (в зависимости от того, какой из сторон вменяется причина невозможности возврата полученного в натуре), Rouvière F. L'évaluation des restitutions après annulation ou résolution de la vente // RTD civ. 2009, p.617-638 (в зависимости от того, какая из сторон нарушила договор) и др.

Установление в системе частно-правовых притязаний места для требования о возврате полученного по расторгаемому вследствие нарушения договору, а также определение содержания правил о таком возврате, позволяют далее подойти к обсуждению еще одного концептуального вопроса – вопроса о соотношении со смежными механизмами. Ведь возврат полученного осуществляется и в других случаях срыва договорных отношений (например, при существенном изменении обстоятельств, при наступлении обстоятельств, предусмотренных соглашением сторон в качестве оснований для отмены договора, при недействительности договора). И если между этими ситуациями отсутствуют различия, значимые для формулирования правил возврата, а правопорядок предусматривает для них разные правила, то, во-первых, происходит «умножение сущностей», а, во-вторых, возникают ценностные противоречия, когда одинаковые по своей сути проблемы решаются правом неодинаково.

Любопытно, что и вопрос о соотношении возврата полученного по договору, расторгаемому вследствие его нарушения, со смежными механизмами не получает сегодня однозначного ответа в сравнительно-правовой перспективе.

В частности, российское постановление Пленума ВАС от 06.06.2014 №35⁸, ГГУ⁹, если следовать результатам уже проведенных к настоящему моменту исследований, пошли скорее по модели разграничений, ориентируя на то, что возврат полученного в случае расторжения нарушенного договора и возврат полученного в других случаях срыва договорных отношений – это разные механизмы, предполагающие разные правила. Напротив, к примеру, послереформенный ФГК (и все проекты по его реформированию), академический проект новой общей части швейцарского обязательственного

⁸ См. п. 6.1, п.6.2 постановления. Подробнее об этом: Папченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору. М., 2017 (СПС «Консультант Плюс»).

⁹ Для ГГУ при этом возникает еще больше оснований для дифференциации – например, ему знакомы, помимо прочего, также и специальные правила об отмене потребительских договоров. См. подробнее: Hellwege Ph. Ein einheitliches Regelungsmodell für die Rückabwicklung gegenseitiger Verträge // Juristen Zeitung. 2005. 60. Jahrg., Nr.7. S. 337-344.

права «Обязательственное право 2020» выстроили единую модель регулирования возврата полученного для разных случаев срыва договорных отношений.¹⁰

Как и почему образовались описанные тенденции? Есть ли существенные предпосылки для общего или дифференцированного регулирования возврата полученного в случае расторжения нарушенного договора и в других случаях срыва договорных отношений? Как именно современными правовыми порядками выстраивается единая модель регулирования возврата и в чем на сегодняшний день состоят основные сложности при ее построении?

В конечном счете разрешение всех обозначенных вопросов, т.е. определение в системе частно-правовых притязаний места для требования о возврате полученного по договору, расторгаемому из-за его нарушения, установление содержания правил возврата, определение его соотношения со смежными механизмами, позволяет лучше понять, что представляет собой данный механизм, предложить его наиболее точную теоретическую модель. При этом рассмотрение этих вопросов в рамках одного исследования минимизирует появление внутренних противоречий в его характеристике.

Степень разработанности темы и теоретическая основа исследования. Активная научная разработка проблем, связанных с возвратом полученного по расторгаемому вследствие нарушения договору, ведется сравнительно недолго. Сама возможность расторжения нарушенного договора практически до последнего времени подвергалась сомнениям, и это не позволяло полноценно обсуждать значительную часть связанных с ней вопросов, в т.ч. касающихся последствий расторжения.

В континентальном праве признание общего права на расторжение нарушенного договора произошло только в XIX – XX вв. (например, во Франции - в начале XIX в., в Германии – лишь в конце XIX - начале XX в.),

¹⁰ См. подробнее: Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права // Вестник гражданского права, 2015, №6; 2016, №1.

поэтому подробное исследование различных деталей такого расторжения здесь начало осуществляться, соответственно, только 150-200 лет назад. При этом для французской доктрины центральное внимание с самого начала было сконцентрировано скорее на обосновании допустимости расторжения нарушенного договора как самостоятельного средства защиты, на установлении оснований для его осуществления и на установлении порядка его осуществления, тогда как, к примеру, в немецкой доктрине заметно большее внимание стало уделяться уже именно последствиям расторжения. Это отразилось и на степени разработанности проблем возврата полученного.

Среди проведенных во французском праве исследований заметно выделяется, пожалуй, только работа Ж.Буайе, опубликованная в 1924 году¹¹, где автор специальную главу посвящает последствиям расторжения, а затем подробно исследует историческую составляющую и показывает, как французское право пришло к той модели регулирования, которая до последнего времени неизменно была отражена в ФГК. Или также, в частности, работа М.Малори¹², в которой автор практически заново разрабатывает общий режим реституционных отношений во французском праве. Ее идеи приобрели большую актуальность при проведении последней реформы французского обязательственного права. Остальной массив литературы огромен и не поддается детальному описанию¹³.

Напротив, в немецкой доктрине уже в период перед принятием ГГУ,

¹¹ Boyer G. Recherches historiques sur la résolution des contrats. Paris, 1924.

¹² Malaurie M. Les restitutions en droit civil. 1re édition. Paris, 1991.

¹³ Это и многочисленные диссертации (например, работы Ж.-Г. Бюрэн-Дерозье, П.Жоэнвиль-Гобана, П.-П. Капланна, Ж. Левейе, Ж. Малезье, Л. Наза, Г. Русселье, Ф.Саббатани, Л. Сезара, А.-Э. Фортье-Мэра, Ш. Эриссона и др.), и монографические исследования и тематические сборники (Т.Женикона, И.-М. Лэтье, К. Ригалль-Дюмец, Ф.Рувьера, М. Фонтэна и Ж. Винэ, С. Шаба и др.), и статьи, опубликованные в «Ежеквартальном сборнике по гражданскому праву» (Р.Кассэна, М.Пикара и А.Прудомма и др.), «Коллекции Даллоз» (работы Е.Пуассон-Дрокур, И.-М.Серине и др.), «Юридической энциклопедии Даллоз» (в особенности, обзорная статья С.Шаба), а также в некоторых других изданиях. Довольно подробные разделы о проблемах расторжения и его эффекта вошли в состав некоторых общих курсов: к примеру, в курсе Ж.Гестэна, К.Жамэна и М.Бийо вопросам расторжения и его последствий посвящено порядка двухсот страниц. При этом последняя реформа обязательственного права послужила мощным импульсом для увеличения дискуссий и возникновения новых их поворотов, о которых мы узнаем, например, из работ С.Виттакера, Ж.Клэн, Л.Конукевича, И.-М.Лэтье, Ф.Реми, Ж.Рокфельда, И.-М. Серине, К. Обер де Вэнсель, М. Фабр-Маньян и др.

а также некоторое время спустя, было написано немало специальных работ¹⁴, которые в значительной мере повлияли на последующую дискуссию. И такой интерес к проблематике последствий расторжения нарушенного договора сохранился здесь на протяжении всего XX в. и начала XXI в.¹⁵ Многочисленные монографии и статьи (Э.Вольфа, Э.Гласса, К.Зикингера, Д.Кайзер, Ю.Колера, С.Лаймера, Г.Г.Лезера, Г.Рота, Т.Феста, Ф.Хелльвеге, Р.Хорнунга, Р.Циммерманна, Г.Швенна, П.Шлехтрима и др.) охватывают сегодня довольно широкий перечень теоретических и практических проблем, касающихся в т.ч. и возврата полученного: квалификацию требования о таком возврате, определение вида возврата - в натуре или посредством компенсации, распределение рисков в ходе осуществления возврата, установление правил расчета компенсации на случай невозможности возврата в натуре и т.д. Нередко данное обсуждение при этом выходит за рамки договорного права и соприкасается с проблематикой неосновательного обогащения, виндикации, возмещения убытков и др. (и, соответственно, с работами Ф.Вернеке, Д.А.Версе, К.Диттриха, У.Кёбл, В.Пингера, А.Флесснера, В. Флуме, У.Хубера, П.Шлехтрима и др.)¹⁶.

Практически ничем не отличается от этого положение дел в швейцарском праве, которое сегодня также довольно подробно анализирует последствия расторжения нарушенного договора, в т.ч. возврат полученного (в работах В.Виганда, П.Гауха, Д.Гласля, Ф.Р.Эрата, Р.Майера, Шт.Хартманна и др.).

В странах *common law*, к примеру, в английском праве, расторжение нарушенного договора тоже сравнительно поздно дополнило доступные пострадавшей стороне средства защиты (только в конце XVIII в.). Сейчас проблемы последствий расторжения нарушенного договора здесь

¹⁴ Ю.Зигеля, Й.Кемпкеса, И.Литтманна, Ф.Нелле, Р.Тюрке, Ю.Флехтайма, В.Фюрле, Ф.Герольца, К.Хойзера, П.Г.Хоффманна, Г.Штолля и др.

¹⁵ До сих пор из работы в работу повторяется известное высказывание Р.Штамmlера (XIX в.) о том, что расторжение договора является «своего рода излюбленным учением нашего Уложения» (Stammler R. Das Recht der Schuldverhältnisse. Berlin, 1897. S.129).

¹⁶ Целый ряд различных работ посвящен изменениям сложившихся подходов к последствиям расторжения нарушенного договора, которые были вызваны проведением в 2002 году реформы немецкого обязательственного права (в частности, работы А.Ваннер, К.Герольд, М.Вольгаста, Т.Клевингхауса, Х.Концена, И. ду Монта, К.Мутерса и др.).

охватываются в основном исследованиями, посвященными различным средствам защиты при нарушении контрагентом своих обязательств (например, работами Э.Барроуза, Дж.В.Картера, С.Роуэн, Г.Х.Трайтеля и др.), либо исследованиями, посвященными последствиям любой ретроактивной отмены договора (law of rescission) (в частности, работами Г.К. Блэка, Ш.Б.Морисона, Д. О'Салливана, С.Эллиотта и Р.Закржевски, и др.). Кроме того, несколько монографий о расторжении и его последствиях в common law опубликовано на немецком языке (например, монографии Б.А.Керн и П.Х.Фойерштайна, известная работа М.Райнштайна общего плана¹⁷).

В *российском же праве* интерес к проблемам последствий расторжения нарушенного договора, в т.ч. к сложным вопросам возврата полученного, и вовсе появился скорее лишь совсем недавно, в самое последнее время.

Конечно, во второй половине XIX в. российской доктриной и судебной практикой тоже постепенно признавалось общее право кредитора отказаться от нарушенного должником договора. Оно основывалось на некоторых положениях Свода законов гражданских и общих доктринальных позициях, и потом получило свое отражение также в разработанном впоследствии проекте Гражданского уложения Российской империи и некоторых комментариях к нему. Но продолжения этих первых шагов или, по меньшей мере, их серьезного обсуждения, в т.ч. в части определения последствий расторжения, так и не последовало.

Затем в советском праве, как часто отмечается, договор между предприятиями рассматривался уже скорее не как союз свободных участников гражданского оборота, а как элемент государственного плана. Поэтому акцент среди способов защиты прав кредитора при нарушении обязательств должником был смещен в сторону понуждения к исполнению обязательства в натуре, а расторжение договора как альтернативное средство защиты воспринималось довольно настороженно: несмотря на то, что

¹⁷ Rheinstein M. Die Struktur des vertraglichen Schuldverhältnisses im anglo-amerikanischen Recht. Berlin; Leipzig, 1932.

право на расторжение упоминалось в некоторых разрозненных статьях кодификаций разных лет¹⁸, общие правила о нем отсутствовали в разделах общей части обязательственного права, а доктриной оно толковалось, как правило, максимально ограничительно (лишь в отношениях между гражданами либо между предприятиями вне рамок плана), а иногда и вовсе категорически исключалось. Такое отношение к самому расторжению нарушенного договора во многом объясняло и отсутствие интереса к производимым им последствиям, лишь изредка законодательно урегулированным в тех случаях, когда оно было закреплено.

Лишь с принятием ГК РФ 1994 года вопрос об эффекте расторжения нарушенного договора в России впервые приобрел настоящую актуальность: законодательное закрепление в общей части обязательственного права получили как общая возможность такого расторжения, так и его последствия. Последствиям расторжения договора была специально посвящена ст. 453 ГК, положения которой со временем стали достаточно противоречиво толковаться и в практике судов, и в специальных исследованиях. Среди наиболее значимых публикаций нельзя не упомянуть работы Р.С.Бевзенко, А.В.Егорова, М.А.Егоровой, А.Г.Карапетова, Е.А.Папченковой, С.В.Сарбаша, С.А.Соменкова, Ю.В. Старцевой и др. Отдельные вопросы по данной тематике исследуются также, в частности, в работах Д.В.Новака и В.С.Гербутова о проблемах неосновательного обогащения. Кроме того, интересными также представляются работы А.В.Егорова, Н.В. Рабиновича, К.И.Скловского, Д.О.Тузова и др., посвященные реституции при недействительности сделок.

Содержание всех этих исследований показывает, что на сегодняшний день юристам многих правовых порядков хорошо знакомы основные проблемы возврата полученного как последствия расторжения нарушенного договора, но в основном только в пределах своей страны или в рамках сравнения

¹⁸ См., например, ст. 121, 189, 190, 198-199, 225 ГК РСФСР 1922 г.; ст. 243, 244, 246 ГК РСФСР 1964 г., ст. 41, 47, 49, 65 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.; ст. 77, 80, 82, 93 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.; п.19, 25, 34, 35 Положения о поставках 1988 г.

с другими странами в масштабе «один к одному». Подобный компаративный анализ, конечно, важен, когда необходимо получить подробное детальное сравнение каких-то отдельно взятых решений, но не позволяет увидеть палитру взглядов целиком и осмыслить складывающуюся традицию.

Такая ситуация оказалась характерной практически для всех обозначенных нами ранее блоков вопросов - и для правовой квалификации требования о возврате, и для определения содержания правил возврата, и для установления его соотношения со смежными механизмами, т.е. с возвратом в других случаях срыва договорных отношений.

Наибольшее внимание, как ни странно, привлекли вопросы правовой квалификации требования о возврате. Например, из обзора работ по немецкому и швейцарскому праву складывается впечатление, что это вообще чуть ли не главная проблема последствий расторжения нарушенного договора: многие авторы высказываются в пользу разных вариантов квалификации и связывают с ними наступление различных практических последствий. В российском праве все наиболее масштабные работы тоже решают этот вопрос неодинаково и при этом нередко особенной критике подвергают внедоговорную квалификацию, хотя послереформенный п.4 ст.453 ГК делает к ней отсылку.

Несмотря на такой интерес, вопрос о квалификации, по-прежнему требует дальнейшего, в т.ч. компаративного, исследования. Мы помним, что разные правопорядки в разные исторические периоды постоянно предлагали неодинаковые подходы к его решению. Но еще не осуществлялось ни подробного анализа самой эволюции этих подходов и причин возникновения такой перманентной разницы, ни подробного анализа критериев, предопределяющих ту или иную квалификацию рассматриваемого требования: какие из них оказались более точными, а какие чаще вызывают сомнения, какие оказались важны лишь для отдельных правопорядков и лишь для отдельных исторических периодов, то есть являлись скорее случайными, а какие имеют более общее значение и т.д.

То же самое актуально и для двух других обозначенных нами блоков вопросов – о содержании правил возврата и о его соотношении со смежными механизмами.

Содержание правил возврата точно так же активно обсуждается уже долгое время. Предметом исследований стал достаточно большой спектр проблем, которые анализируются как вместе, так и по отдельности: это и определение пределов возврата, и вид возврата (в натуре или посредством уплаты компенсации), и учет прав третьих лиц в ходе осуществления возврата, и учет различных изменений предмета предоставления, и возврат выгод от предоставления, и компенсация расходов на него, и возможность дополнения возврата требованием о компенсации убытков, и место возврата и т.д. Однако состоявшееся их обсуждение еще не позволило последовательно обосновать различия в регулятивных моделях, предложенных разными правовыми порядками, а также выстроить внутренне непротиворечивую систему правил осуществления возврата полученного.

Соотношение возврата полученного по расторгаемому нарушенному договору со смежными механизмами, напротив, до последнего времени практически не привлекало особого внимания исследователей. Хотя то или иное решение могло выводиться из позиций разных авторов, концептуально данный вопрос анализировался, пожалуй, только Ф.Хелльвеге¹⁹ и Шт.Хартманном²⁰. Но поскольку авторы работали до 2004-2005 гг. и, по всей видимости, независимо друг от друга (в Германии и Швейцарии), им не удалось учесть более современные тенденции, существенно разнообразившие палитру предложенных *de lege lata* подходов, и объединить результаты компаративного анализа.

Ф.Хелльвеге ограничил географию исследования лишь немецким, английским и шотландским правом, опубликовав свои работы в 2004 г. и 2005 г. К тому времени только началась работа по подготовке изменений

¹⁹ Hellwege Ph. Ein einheitliches Regelungsmodell; id. Die Rückabwicklung gegenseitiger Verträge als einheitliches Problem. Tübingen, 2004.

²⁰ Hartmann St. Die Rückabwicklung von Schuldverträgen. Zürich, 2005.

ФГК, а разработка швейцарского проекта «Обязательственное право 2020» стала осуществляться еще на несколько лет позднее. Работа Шт.Хартманна охватила в основном только швейцарское право (лишь иногда автор обращался при случае к опыту Германии и США) и тоже была опубликована в 2005 году без учета последних изменений. При этом в ходе исследования Ф.Хелльвеге упомянул три во многом пересекающихся критерия, которые, по его мнению, могут обосновывать неодинаковое регулирование возврата полученного в разных случаях срыва договорных отношений и поэтому должны специально анализироваться (отменяющее или модифицирующее действие отмены договора, наличие недостатка на стадии заключения или на стадии исполнения договора, перспективное или ретроактивное действие отмены договора²¹), а Шт.Хартманн и вовсе сосредоточился лишь на одном – на разграничении пороков договора на стадии заключения и на стадии исполнения. В результате у первого автора получился случайный набор критериев (частично - совпадающих, частично - не имеющих значения), из которого не понятно, что в действительности важно для решения рассматриваемого вопроса, а у второго автора – пробельный.

При таких обстоятельствах по-прежнему сохраняется потребность в сравнительно-правовом исследовании сложившихся подходов к соотношению возврата после расторжения нарушенного договора со смежными механизмами (в т.ч. с учетом опыта неохваченных авторами правопорядков и тенденций после 2004-2005 гг., повлекших изменения в *de lege lata* решениях), а также необходимость более подробного предметного анализа самих предпосылок для унифицированного или, наоборот, неодинакового регулирования данных механизмов.

Цели и задачи работы. Основной целью данного исследования является разработка научно обоснованной общей концепции возврата

²¹ Эти критерии были названы автором в статье, которая вышла по итогам подготовки его монографии, основанной на диссертационном исследовании. В самой монографии, опубликованной ранее, к ним добавлялись еще два критерия: 1) является ли возможность осуществления возврата полученного предпосылкой или последствием отмены договора, 2) ценностные ориентиры, характерные для того или иного основания отмены договора (Hellwege Ph. Die Rückabwicklung gegenseitiger Verträge. S.531-535).

полученного после расторжения нарушенного договора, насколько это возможно, свободной от имеющихся сегодня противоречий. Достижение этой цели обеспечивается последовательным решением трех центральных задач: во-первых, определением места для требования о возврате полученного по договору, расторгаемому вследствие его нарушения, в системе частно-правовых притязаний; во-вторых, установлением факторов, влияющих на содержание правил такого возврата; в-третьих, анализом соотношения такого возврата со смежными механизмами, т.е. с возвратом полученного в других случаях срыва договорных отношений.

Методология исследования. Основу исследования составили исторический метод и метод сравнительного правоведения (включая и институциональный, и функциональный подходы). Кроме того, при проведении данного исследования использовались другие стандартные приемы: анализ и синтез, индукция и дедукция, структурный и системный метод и др.

Научная новизна. Данная работа является первым в отечественной доктрине диссертационным исследованием, в котором на широкой эмпирической базе, включающей опыт как наиболее влиятельных правопорядков континентально-европейского типа, так и стран общего права, сформулированы основные подходы к такому последствию расторжения нарушенного договора как возврат полученного сторонами.

Работа основана на сочетании историко- и сравнительно-правовых методов, на проведении не только синхронных, но и диахронных компаративных параллелей, которые являются новыми для данной области исследований. В результате приложения этого методологического арсенала к сформированному автором корпусу источников и литературы, в значительной мере состоящему из текстов, ранее не попадавших в поле зрения российских специалистов, обоснованы выводы, уточняющие, дополняющие и корректирующие имеющееся знание о квалификации возврата после расторжения нарушенного договора, факторах, влияющих на содержание правил такого возврата, его соотношении со смежными

механизмами (с возвратом после других срывов договорных отношений). Кроме того, благодаря широкой эмпирической базе исследования, автору удалось уточнить многие данные, которыми оперирует российское профессиональное сообщество, и повысить уровень их достоверности.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Доказано, что в правопорядках, разграничивающих договорные и внедоговорные требования, отнесение требований о возврате полученного после расторжения нарушенного договора к внедоговорным не позволяет в должной мере учесть специфику отношений сторон без существенного искажения применяемых при этом институтов. Правила об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикации) и устранении неосновательного обогащения (кондикции) в основном не рассчитаны на случаи, когда спор о возврате имущества разворачивается между лицами, вступившими в договорные отношения. В частности, они не позволяют учесть взаимный характер обязательств сторон и требуемый от сторон стандарт поведения, а также принять – при необходимости – во внимание волю, выраженную в расторгаемом договоре, в том числе и на ликвидационной стадии обязательства.

2. Обосновано, что требование о возврате полученного после расторжения нарушенного договора должно занимать самостоятельное положение среди договорных способов защиты, наряду с требованиями об исполнении обязательства в натуре и о взыскании убытков. Показана несостоятельность попыток квалификации требования о возврате полученного в качестве разновидности требования о возмещении убытков – даже тогда, когда правопорядок не оставляет для данного требования какого-либо другого места в сложившейся системе договорных притязаний.

3. Доказано, что при установлении содержания правил возврата полученного после расторжения нарушенного договора не должны иметь определяющего значения идеи санкции и превенции, и, следовательно, распространенные сегодня подходы, исходящие при решении конкретных

вопросов из необходимости наименьшего благоприятствования нарушителю. Несостоятельными должны признаваться и другие подходы, которые при решении конкретных вопросов возврата допускают освобождение одной из сторон от какой-либо обязанности в условиях, когда другая сторона должна исполнять аналогичную встречную обязанность.

Такой возврат основан на реализации идеи уравнивающей (коммутативной) справедливости и вытекающем из нее понимании договора как средства эквивалентного обмена: нарушение договора порождает обязанность вернуть полученное, поскольку лишает произведенный сторонами обмен свойства эквивалентности, так что он перестает отвечать требованиям справедливости и более не пользуется признанием со стороны права. При этом устранение нарушенной эквивалентности обмена не преследует карательных или предупреждающих целей, а неблагоприятный эффект произведенного обмена справедливо устранять, восстанавливая тем самым первоначальное положение, именно в отношении обоих контрагентов.

4. Обосновано, что применение равного нормативного масштаба к одинаковым фактическим ситуациям («равным за равное») требует единства подходов к возврату полученного после расторжения нарушенного договора и к возврату полученного после срывов договорных отношений по другим причинам. Ни факт нарушения, отличающий расторжение нарушенного договора от иных случаев отмены действительных договоров, ни различия в моменте возникновения оснований срыва (на стадии исполнения, а не на стадии заключения договора), имеющиеся между расторжением нарушенного договора и ситуациями недействительности, не препятствуют применению унифицированных правил возврата.

5. Доказано, что при формировании таких правил необходим, однако, учет типа сорвавшего договора: невозможно одинаково урегулировать возврат полученного после срыва договора купли-продажи, договора аренды, договора займа и т.д., поскольку различие в целях (основаниях) обмена не может игнорироваться при устранении его

последствий. В данной связи имеющиеся в различных правовых порядках попытки выстроить общее учение о последствиях срыва договоров, принадлежащих к различным типам, изначально несостоятельны и ведут лишь к противоречиям.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью затронутых в нем проблем и новизной полученных выводов. В этой части материалы и результаты работы могут быть использованы в преподавательской деятельности и при проведении дальнейших исследований, посвященных средствам защиты при нарушении договорных обязательств, а также проблемам возврата полученного в разных случаях срыва договорных отношений (в случаях недействительности договора, в случаях отмены договора в связи с существенным изменением обстоятельств и др.).

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения сформулированных теоретических положений при совершенствовании законодательства и в правоприменительной деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования нашли свое отражение в одиннадцати статьях, семь из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 12.00.03. Кроме того, к печати подготовлена монография, посвященная более полному анализу вопросов, обсуждаемых во второй главе данной работы.

Диссертация неоднократно обсуждалась на заседаниях кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Также некоторые выводы работы были представлены на конференции «День науки частного права НИУ ВШЭ» (Москва, 12 апреля 2016 г.; доклад на тему «Распределение риска гибели полученного при расторжении»), на Юридическом Форуме Черноземья (Воронеж, 7-8 октября 2016 г.; доклад

на тему «Разъяснения Верховного Суда по вопросам расторжения нарушенного договора. Постановление Пленума ВС РФ № 7 и практика по отдельным делам»), на Всероссийской онлайн-конференции «Субсидиарная ответственность и последствия расторжения договора: как победить недобросовестность» (Москва, 21 ноября 2017 г.; доклады на тему «Расторжение договора: общие последствия», на тему «Расторжение договора: основные сложности осуществления возврата полученного»), при чтении в 2015 и 2017 годах лекций по теме «Расторжение договора» (слушателям Московской высшей школы социальных и экономических наук и слушателям Российской школы частного права) и ведении семинарских занятий (в рамках педагогической практики на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации и отражается степень ее разработанности, определяются цель и задачи исследования, его теоретическая и методология основа, раскрывается научная новизна полученных результатов, их теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Правовая квалификация требования о возврате полученного после расторжения нарушенного договора» включает в себя три параграфа.

В первом из них - **«Эволюция подходов к правовой квалификации требования о возврате полученного после расторжения нарушенного договора и ее значение для современной дискуссии»** - демонстрируется,

как в различных правовых порядках развивались представления о месте рассматриваемого требования в системе частно-правовых притязаний.

Проводя синхронные и диахронные компаративные параллели, автор показывает, что дискуссия о правовой квалификации возврата после расторжения нарушенного договора прошла три трансформации. Взгляды эволюционировали: (1) в рамках споров о признании самого права на расторжение нарушенного договора и обсуждения правовой природы такого расторжения; (2) в рамках споров об «ex tunc» или же «ex nunc» действии расторжения нарушенного договора; (3) в рамках современной дискуссии о договорном или внедоговорном характере требования о возврате полученного после расторжения нарушенного договора. При этом дистанция, разделявшая в разные периоды подходы различных правовых порядков, являлась скорее не предметной, а хронологической. Везде обсуждался во многом одинаковый набор решений, но за счет того, что в разных правовых порядках это происходило в разное время, почти никогда не было единообразного подхода: когда одни правовые порядки приходили к определенному решению или его опровержению, другие еще находились в пути.

На основе опыта правовых порядков континентального типа и стран common law автор приходит к выводу, что постоянные различия в квалификации ими возврата после расторжения нарушенного договора являются следствием неодинаковых взглядов на протяженность отменяющего эффекта расторжения (на уничтожение им договора ex tunc или только ex nunc), на модель перехода права собственности (как предполагающую абстрактность распорядительной сделки или как исходящую из ее каузальности либо из отсутствия «принципа разъединения»), на конструирование института неосновательного обогащения (как противопоставляемого правилам о возврате недолжно полученного или как охватывающего также и их, как предполагающего просто несправедливость или именно неосновательность обогащения). Российское право не позволяет последовательно объяснить предложенный

им подход с использованием того же самого набора критериев: кондикционная квалификация (п. 4 ст. 453 ГК РФ) здесь могла бы вытекать либо из ретроактивности расторжения, сопровождаемой одновременно, однако, признанием абстрактности распорядительной сделки, либо из перспективности расторжения, сопровождаемой одновременно, однако, пониманием возвращаемого обогащения не как собственно неосновательного, а, к примеру, просто как несправедливого (подобно правовым порядкам common law).

Во втором параграфе - **«Требование о возврате полученного по расторгаемому вследствие нарушения договору и внедоговорные (виндикационные, кондикционные) притязания»** обосновывается, что в правовых порядках, разграничивающих договорное и внедоговорное регулирование, к которым относится также и российское право, рассматриваемое требование о возврате полученного должно носить договорный характер. При этом данный подход должен обосновываться не перспективностью расторжения и применением прочих подобных критериев, с применением которых традиционно связывается его выбор, а тем, что он позволяет лучше учесть специфику отношений сторон. Отношения по возврату имущества, стороны которых ранее были связаны договорной связью, существенно отличаются от отношений по возврату имущества, в которых истец и ответчик узнали друг о друге только благодаря сложившемуся между ними спору о возврате: в первом случае возврат выступает способом восстановления баланса интересов «прежних» сторон договора, во втором – скорее лишь способом изъятия несправедливого увеличения имущественных активов (кондикция) или лишь способом обратного присуждения владения собственнику (виндикация), который при этом вообще не возлагает на ответчика «обязанность предоставить (что-либо, в т.ч. обратно)», а лишь ограничивает его «обязанностью претерпевать (истребование)».

В третьем параграфе - **«Возврат полученного по расторгаемому**

вследствие нарушения договору в системе договорных способов защиты» - автор доказывает, что среди договорных способов защиты требование о возврате полученного по расторгаемому вследствие нарушения договору должно занимать самостоятельное положение, то есть оно должно квалифицироваться как требование *sui generis* и не может – при отсутствии для него конкретного места – пониматься в качестве других известных правопорядку договорных способов защиты, прежде всего, в качестве требования о взыскании убытков.

Несмотря на то, что расторжение и его эффект предоставляются правом в ответ на нарушение договора, то есть точно так же как и взыскание убытков или, скажем, понуждение к исполнению обязательства в натуре, это еще не влечет утрату ими своей функциональной самостоятельности. При этом и расторжение, и возврат полученного как его последствие имеют некоторые особенности (безразличие к тому обстоятельству, было ли нарушение договора вызвано виной должника, необходимость возврата полученного самим кредитором и др.), учет которых просто невозможен при характеристике их как требований о возмещении убытков. Не становится рассматриваемое требование о возврате полученного требованием о возмещении убытков и тогда, когда первое дополняется вторым, то есть когда возврат полученного выступает лишь дополняемой частью компенсации полного отрицательного или положительного интереса.

Отсутствие конкретного места для данного требования в рамках договорного права некоторых правопорядков (как, например, в австрийском праве, в российском праве и др.), по мнению автора, показывает скорее несовершенство сложившейся системы договорных притязаний и дает повод для ее дальнейшей разработки (как это уже произошло, например, в немецком праве, в швейцарском праве и др.).

Вторая глава работы - «Содержание правил о возврате полученного после расторжения нарушенного договора» - также включает три параграфа.

В первом параграфе - «Многообразие и противоречивость современных подходов к урегулированию отношений сторон по возврату полученного после расторжения нарушенного договора» - анализируются регулятивные модели возврата полученного после расторжения нарушенного договора, предложенные современными правовыми порядками, и оцениваются различия в определении ими содержания правил возврата.

Автор обосновывает, что причина различий в решении правовыми порядками одних и тех же проблем осуществления возврата (определения вида возврата, распределения рисков гибели и ухудшения полученного, установления места возврата и др.) связана с неодинаковым учетом ими факторов, потенциально значимых в рассматриваемой ситуации и предполагающих несовпадающие и нередко даже взаимоисключающие наборы подходов: в частности, квалификации требования о возврате, факта нарушения договора одной из сторон, добросовестности получателя предоставления (в субъективном смысле), взаимности обязательств сторон, симметрии выгод и невыгод и др. Это ведет к образованию нескольких автономных пластов дискуссии вокруг одних и тех же вопросов и, как следствие, к эклектике нормативных решений.

Второй параграф «Критерии, лежащие в основе различных моделей регулирования возврата полученного после расторжения нарушенного договора» сосредоточен уже на анализе самих факторов (критериев), влияющих сегодня на содержание правил возврата после расторжения нарушенного договора.

Автор приходит к выводу, что ряд факторов (критериев) в действительности не должен приобретать такого значения. В частности, квалификация требования о возврате позволяет определить лишь применимые правила из имеющихся (либо признать, что они отсутствуют и требуется характеристика как *sui generis*), сделать к ним отсылку, но не предрешает собственно их содержание, иначе право превращается в замкнутую систему логических выводов, производных исключительно от

формальных характеристик своих институтов. Или, скажем, критерий меньшего благоприятствования нарушителю, хотя сегодня также часто применяется и при этом выглядит как продолжение одной из функций расторжения (функции устранения договорного нарушения), противоречит ряду значимых доводов и скорее наполняет эту функцию лишним, не свойственным ей содержанием. Ряд же факторов (критериев) – напротив, должен играть существенную роль при установлении последствий расторжения нарушенного договора (в частности, принцип симметрии выгод и невыгод, учет взаимности обязательств сторон, когда речь идет о расторжении синаллагматических договоров).

Третий параграф «Необходимость учета различий между договорными типами при определении содержания правил о возврате полученного после расторжения нарушенного договора» показывает, что принятие во внимание действительно значимых факторов (критериев), влияющих на содержание правил возврата после расторжения нарушенного договора, влечет необходимость разграничения договорных типов (купли-продажи, аренды, займа и т.д.) при разработке правил такого возврата. Например, при решении вопроса о распределении риска гибели или ухудшений полученного предоставления целесообразно разграничивать, идет ли речь о синаллагматических (купля, мена и пр.) или несиналлагматических договорах, далее – внутри синаллагматических – идет ли речь о купле (риск на получателе) или аренде (риск на предоставившем) и т.д.

В данной связи отмечается, что попытки многих правопорядков выстроить общее учение о последствиях расторжения нарушенных договоров, принадлежащих к разным типам, изначально несостоятельны и ведут лишь к противоречиям. И напротив – то стремление к разграничению разных договорных типов при установлении последствий расторжения, которое наблюдалось, например, в первоначальном проекте российского постановления Пленума ВАС от 06.06.2014 №35, а затем и в тексте самого постановления, может быть только поддержано.

Третья глава работы - «Возврат полученного в случае расторжения нарушенного договора и в других случаях срыва договорных отношений» - вновь объединяет собой три параграфа и посвящена вопросам соотношения возврата после расторжения нарушенного договора со смежными механизмами, то есть с возвратом после расторжения договора вследствие существенного изменения обстоятельств, с возвратом после расторжения договора вследствие наступления обстоятельств, предусмотренных соглашением сторон в качестве оснований для его отмены, с возвратом при недействительности договора и пр.

В первом параграфе - «Соотношение возврата полученного после расторжения нарушенного договора со смежными институтами в исторической и сравнительно-правовой перспективе» - обсуждается, как и почему образовались современные тенденции в установлении соотношения возврата полученного в случае расторжения нарушенного договора и в других случаях срыва договорных отношений, насколько корректно они оцениваются доктриной.

Автор показывает, что в континентальной правовой традиции, более значимой в данном вопросе, сегодняшние подходы являются результатом развития во многом одинаковых стартовых позиций и в конечном счете не настолько полярны, как это может показаться на первый взгляд. Разница в них сводится лишь к тому, что первоначальное сходство правил возврата при разных срывах договорных отношений со временем в одних правовых системах (например, во французском, швейцарском праве) стало просто еще более выраженным, воплощаясь в признании того, что речь идет об одном и том же механизме, получившем даже специальное регулирование в рамках отдельной главы соответствующих кодификаций, в других же правовых системах (например, в немецком праве) – напротив, менее заметным, хотя по-прежнему в значительной мере сохраняющимся. Российское позитивное право, для которого подобный унифицированный

подход во многом был свойственен в дореволюционный период, пропустив практически сто лет обсуждений, сейчас тоже следует данной традиции.

Во втором параграфе - «Предпосылки для общего или различного регулирования возврата полученного после расторжения нарушенного договора и после других срывов договорных отношений» - обосновывается, что, во-первых, сами ситуации возврата после расторжения нарушенного договора и после других срывов договорных отношений имеют довольно много общего, выделяющего их среди всех прочих. Прежде всего, речь идет об отношениях сторон, ранее связанных договором, где договор по каким-либо причинам сорвался и теперь нужно устранить возникший дисбаланс, вернув полученное. При осуществлении такого возврата, к примеру, иногда по-прежнему продолжает иметь значение воля сторон, выраженная сорвавшимся договоре, иногда по-прежнему продолжает учитываться взаимность обязательств – при распределении риска случайной гибели полученного, при определении порядка исполнения обязанностей по возврату полученного.

Во-вторых, одновременно отсутствуют и принципиальные различия, которые могли бы препятствовать построению единых подходов к урегулированию возврата после расторжения нарушенного договора и после других срывов договорных отношений. От последствий отмены иных действительных договоров рассматриваемую нами ситуацию возврата отличает, прежде всего, факт нарушения, т.е. то, что именно нарушение контрагентом своих обязанностей выступило поводом к прекращению договорных отношений. От ситуаций возврата после недействительности - то, что порок, дефект здесь образовался уже на стадии исполнения, а не на стадии заключения договора. Тем не менее, оба этих признака сами по себе еще не препятствуют разработке унифицированных правил возврата.

Данные выводы позволяют, таким образом, не только компаративно, но также и предметно обосновать справедливость разработки единой модели регулирования возврата при разных срывах договорных отношений.

Третий параграф «Построение единой модели регулирования возврата полученного для разных случаев срыва договорных отношений: опыт современных правовых порядков» показывает, как именно различными правовыми порядками выстраивается такая единая модель регулирования возврата и в чем на сегодняшний день состоят основные сложности при ее построении. На основании опыта, прежде всего, французского и швейцарского права, автором демонстрируется, что максимальное объединение режимов возврата при разных срывах договорных отношений актуализирует проблемы, которые ранее были значимы для объединяемых механизмов, т.е., прежде всего:

- определение того, какие факторы влияют и должны влиять на содержание правил возврата. Французские проекты реформ сосредоточили свое внимание вокруг целого ряда таких факторов: добросовестности получателя (в субъективном смысле), некоторых корреляций, в т.ч. опирающихся на взаимность обязательств сторон и др. Швейцарский проект, напротив, учел в основном только один из них – квалификацию требований о возврате полученного, которая, как было показано в работе, не может изначально предопределять решения конкретных проблем;

- решение вопроса о том, возможно ли, чтобы единая модель возврата игнорировала не только различия между причинами срыва договорных отношений (недействительность, расторжение и др.), но и различия между договорными типами (купля-продажа, аренда, заем и др.). Французские проекты лишь косвенно обратили на внимание на особенности различных договорных типов, разграничив правила возврата для разных типов предоставлений; швейцарский же проект и вовсе их скорее полностью проигнорировал.

В **Заключении** излагаются итоги диссертационного исследования, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 12.00.03:

1) Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть первая: новое решение старой проблемы) // Вестник гражданского права, 2015, №6. С.47-94 (3,1 а.л.);

2) Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права, 2016, №1. С.47-145 (8,2 а.л.);

3) Усачева К.А. Влияние факта нарушения договора на определение последствий его расторжения // Вестник экономического правосудия, 2017, №6. С.129-159 (2,4 а.л.);

4) Усачева К.А. Расчет компенсации в случае невозможности возврата полученного в натуре при расторжении нарушенного договора // Закон, 2017, №6. С.118-134 (1,7 а.л.);

5) Усачева К.А. Исключения из правила о полной реституции при расторжении нарушенных договоров и реформирование европейских кодификаций // Вестник экономического правосудия, №2, 2016. С.130-160 (2,4 а.л.);

6) Усачева К.А. Расторжение нарушенного договора и взыскание убытков: некоторые проблемы соотношения. Сравнительно-правовой аспект (часть первая) // Вестник гражданского права, 2014, № 4. С.128-155 (2,1 а.л.);

7) Бевзенко Р.С., Усачева К.А. Распределение риска гибели вещи и свобода усмотрения сторон при расторжении договора лизинга // Вестник экономического правосудия, 2015, №9. С.8-18 (0,6 а.л.).

II. Иные публикации:

1) Усачева К.А. Последствия расторжения нарушенного договора. Что изменилось с реформой ГК // Арбитражная практика для юристов, 2015, №10. С.118-125 (0,8 а.л.);

2) Усачева К.А. Эффект отмены нарушенного договора. Реформа ГК как отражение подходов, развитых практикой // Арбитражная практика для юристов, 2015, № 11. С.112-123 (1 а.л.);

3) Усачева К.А. Объем обеспечиваемого обязательства: охватывает ли обеспечение также и ликвидационную стадию обязательства? // Об обеспечении обязательств: Сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша. Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. – М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С.425-461 (2,4 а.л.);

4) Усачева К.А. О квалификации возврата полученного в случае расторжения нарушенного договора: исторический очерк // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 3. М., 2018 (1,7 а.л.).